



Продолжившаяся в № 27 (41) «РЖ – Тема недели» (24.11.2000) – «Лидер между интеллигенцией и бюрократией» – дискуссия вокруг форм и принципов российской модернизации получила отклик и в западной интеллектуальной среде. РЖ возвращается к теме, предоставляя слово Дэвиду Эптеру – известному американскому политологу и социологу, почетному профессору политического и социального развития Йельского университета, члену Американской академии науки и искусств, автору множества монографий, последняя – «Legitimization of Violence» (1997).

АНТИМОДЕРНИСТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И США

Дэвид Эптер

В прошлом теория модернизации была обращена к широким вопросам социальных перемен: переходу от доиндустриального общества к индустриальному, к структурным и инновационным возможностям, к изменениям уже существующих нормативных факторов. Модернизация как процесс изучалась на примере соотношения протестантизма и развития капитализма, ее механизмы искали и находили в «великих переменах» догм, законов, институтов, власти, самого понимания законности (Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм). Существовало множество теоретических систем модернизации – можно проследить эволюцию мысли от Карла Маркса до Талкотта Парсонса. Сегодня теории модернизации распались на фрагменты. Их нет. Политэкономия и «прагматический (рациональный) выбор» – вот что является постоянной повесткой дня. Причем и политэкономия, и «рациональный выбор» объявляются возможными только в рамках господствующей либеральной теории, интеллектуально зачахшей и узкой. **Что наиболее отвратительно в этом интеллектуальном уродстве – инновациями и свободным рыночным капитализмом оправдываются разрушительные социальные последствия.**

Россия и США стоят перед схожими проблемами, пусть и в нескольких разных формах. И в России, и в Америке либеральную экономику принимают за естественную справедливость – когда хищническое освоение экономики и человеческих ресурсов является законным



способом получения инновации и богатства, несмотря на то, что это может повлечь расходы за счет социальной сферы. А в условиях экономического неравенства это ведет к несправедливости, личной неуверенности, общественным патологиям. И в России, и в Америке институты власти выглядят чрезвычайно подозрительно в глазах общества, хотя и по разным причинам. Советское государство оставило России в наследство привычку к авторитарным и деспотическим методам управления. Когда СССР пал, была ликвидирована лишь советская идеология, тогда как советская методология управления сохранилась. Это позволило чиновникам более низкого уровня и сообразительным партийным работникам расхитить национальную экономику. Отвергнутые системой граждане превратились в тех, кто ежедневно сражается с всеобъемлющей коррупцией, превратившейся в образ жизни. В результате **все, что имеет отношение к общественному интересу или к гражданской культуре, подвергается в России насмешкам и травле.**

Соединенные Штаты разделены на противостоящие группы теми,

кто использует чрезмерный индивидуализм не только как способ противостояния политическим реформам, но и как прикрытие для расизма, несмотря на избрание Барака Обамы президентом. А царствующая либеральная теория по-прежнему считает лишь рынок «арбитром распределения и закономерной справедливостью». В результате все большая часть населения оказывается в относительной нищете и не доверяет власти. Люди, если они не полностью изолированы друг от друга, обращаются к фанатичным или воинственным движениям за поддержкой, чтобы создавать общественную солидарность на микроуровне.

Россия и США «модернизируются», но абсолютно антимодернистскими способами – с помощью религиозного сектантства, подмены рыночной рациональностью естественного разума, разделения населения на почве национализма, с помощью выдвигания на первый план таких идиотских проблем, как аборт, не говоря уже о местечковом патриотизме регионализмов, провинциальности и простом невежестве. Когда-то за должное принималось то, что демократия подразумевает информированную общественность. И в России, и в США, несмотря на наличие блестящих интеллектуалов и мыслителей, а также пронизательных высокопоставленных чиновников, в целом население все меньше и меньше понимает сложные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в современном мире. ■